

4 МАРТА 1934 года художника Юхима Михайлова вызвали в Киевское НКВД. Накануне некто в форме явился в его дом и попросил у супруги показать паспорт мужа. Заподозрив неладное, она документа «не нашла», но наказ оперативника передала в точности: явиться туда-то и туда-то. «Шьют дело», — сообщил на завтра муж. Дело «шили» обстоятельно. Вызовы в НКВД участились. Следователь Спиноза проявлял при этом по-

было, сотрудничал с газетой «Боротьба»... Но ведь то какой год был — 1919-й. Всеобщая путаница в умах — кто за кого, кто с кем, кто против кого — не разберешь... Но Спиноза пропуская доводы обвиняемого мимо ушей, у него были свои козыри. А музыкальное общество имени Леонтовича опять-таки контрреволюционной направленности? А связь с ныне арестованными тем-то и тем-то? Михайлов отнекивался: не знал, не думал, заблуждался...

там находил время для творчества. Писал картины. И... руководил солдатским хором. «Пели хорошо. Начальству нравилось»...

Затем была редакция журнала-газеты «Новь», где Михайлов заведовал отделом иллюстрации. Сотрудничество с другим журналом — «Детское чтение», украинскими изданиями, например, «Шлях». Публикует свои вирши, переводит с французского языка на украинский стихи Тагора... В 1918 году в издательстве «Универсальная библиотека» вышел первый его сборник «Месячный серп», потом — искусствоведческие книги

Юхим Михайлов.
Портрет работы Михаила ЖУКА,
1932 г.

чем». И изгойское положение угнетало художника больше всего. Но, в отличие от других репрессированных, в Котласе для него нашлась работа по специальности декоратора в рабочем клубе (теперь в этом здании располагается краеведческий музей. — В. Н.). Большая, светлая и удобная мастерская, возможность творчества — что еще надо для человека, оказавшегося в его ситуации! «И снова — большое «но», — вспоминала Ганна Алексеевна Михайлова. — До приезда Юхима Спиридоновича декоратором был местный житель, большой пьяница, поэтому его работа не устраивала Рабком (Рабочий комитет. — В. Н.). Спьяну и из зависти он начал кампанию против Юхима Спиридоновича: «Какой-то враг народа имеет работу и в почете, а я не имею работы»... Это было невыносимо. Но Михайлов терпел.

Жена посылала ему продукты посылки, а ее сестра Леся каждый месяц отправляла в Котлас своюку деньги для оплаты комнатки, которую он снимал в доме № 13 по улице Октябрьской у некой Олейниковой. Из окна этой избы он и нарисовал несколько городских пейзажей, в том числе и «Улицу в Котласе», сохранившихся до сих пор. Там же рожались его грустные стихи, обращенные к супруге «О ветер, ветер с Украины, что ты там видел, Расскажи. Мою жену не встретил ли.» («Отповедь», 3 июня 1934 г.)...

Смена климата и обстановки сказались на здоровье художника. Полкосили его и душевные страдания и унижения — типа отметок в органах НКВД. Никак не мог привыкнуть он к белым ночам. Окончательно замучила бессонница. Как ни занавешивал он окно, все равно казалось, что солнечный свет пробивается через ткань... К тому же заболел малярией. А

хины в аптеке не оказалось. Лекарство с большим трудом достали у друзей и из Киева переслали в Котлас. Власть все же смиростивилась и разрешила Михайлову съездить в Вятку, чтобы он смог сделать рентген и анализы. Но это не помогло. Он угасал, словно свечка. «В это время приходили страшные письма от Юхима Спиридоновича... — вспоминала супруга. — Знакомые прислали телеграмму: «Приезжай, иначе будет поздно». Приехать она так и не смогла, но снарядила в Котлас свою знакомую — Марию. Рассуждала так: может быть, «начальство» отпустит назад, в Киев, тяжелобольного — умереть, так на родине... Оказалось поздно. 15 июля 1935 года Михайлова не стало. В регистрационной книге Котласского городского ЗАГСа запись о смерти значится за № 152: «Рак желудка, лекомпенсированный порок сердца»...

Мария пригласила фотографа Покойника сфотографировали И где-то, скорее всего, на Макарихе, на кладбище, тихо похоронили... Навсегда угасло его солнце.

ЧЕРЕЗ долгие десятилетия художник, искусствовед, поэт Юхим Михайлов был реабилитирован. В престижных выставочных залах — и на Украине, и в Соединенных Штатах — находятся его великолепные картины. Его творчеству посвящают книги, печатают стихи.

Сбереги мою сонату
Сине-сине-голубую.
Пусть она расскажет правду,
Как тебя любил когда-то,
В счастья пору золотую...

«Жене» — назвал Юхим Спиридонович это стихотворение. Под ним дата — 10 июля 1934 года и приписка — «Котлас»...

* Переводы с украинского автора.

Владимир НОГОВИЦЫН

«СБЕРЕГИ МОЮ СОНАТУ...»

разительную виртуозность. Еще больше поражали скоропалительность и абсурдность обвинений. Говорилось о какой-то тайной организации и подготовке ею вооруженного восстания. Услышав такое заявление, Михайлов долго не мог прийти в себя. Бред, клевета! И наотрез отказался подписывать эту галиматью. Но энкаведист настаивал. Голос его менялся в зависимости от ситуации: сначала в нем звучали жесткие ноты, даже угрозы, затем неохотно перешедшие в просьбу: дескать, чего вам стоит, это же такой ничтожный незначительный пустяк — расписаться... И тут же заявил, что подписать не играет абсолютно никакой роли, поскольку вина Михайлова досконально доказана. И опять заискивающе просил: ну уважьте меня, что вам стоит...

Ганна Алексеевна Михайлова вспоминала со слов супруга, как кипятится службист: «Вы понимаете, что ваше признание мне нужно, как воздух!» — «Нет!» — упрямо отвечал интеллигент. Возможно, эта настойчивость и оберегла художника от тюрьмы и расстрела. Однако наказания он не избежал.

27 марта 1934 года уполномоченный ГПУ Украины Я. И. Спиноза вынес постановление, в котором указал: «Проведенными следственными действиями установлено, что гр. Михайлов Ю. С. состоял членом к-р организации». «К-р» — сокращенно контрреволюционной... «Улицается в активном участии» — указывалось в другой бумаге. Дело приобретало серьезный оборот. Тогда же с него взяли подписку о невыезде.

«Беседы» с Михайловым, больше походившие на допросы, стали частыми. Неугомонный следователь напоминал ему о прошлом. Бывший прапорщик, бывший «боротьбист» — разве этих доказательств мало? Но Юхим Михайлов вместо того, чтобы опровергнуть обвинения, наоборот подтверждал: да, почувствовал поначалу эсерам-работистам, верно, был делегатом съезда, созданного Центральной Радой, действительно, работал при Петлюре в Министерстве просвещения,

ОН СОШЕЛ НА МАЛЕНЬКОМ КОТЛАССКОМ ВОКЗАЛЕ, ПОПАВ В СУЕТУ УТРЕННЕГО ГОРОДКА, ЗАМЕТИЛ: ДОМА — СПЛОШЬ ДЕРЕВЯННЫЕ, ЛИШЬ ВОКЗАЛЬНОЕ ЗДАНИЕ ПРЕЖНЕЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОСТРОЙКИ БЫЛО КИРПИЧНЫМ, УНЫНИЕ И ТОСКА СКВОЗИЛИ ИЗ КАЖДОГО УГЛА. «КУДА Я ПОПАЛ?» ГОЛОВА ОТ ПУТАНИЦЫ МЫСЛЕЙ КРУЖИЛАСЬ, СЛАБОСТЬ РАСПОЛЗЛАСЬ ПО ТЕЛУ. ПРОИДЯ НЕМНОГО, ЧЕЛОВЕК ОТЫСКАЛ КАКОЙ-ТО ЗАКУТОК, МОЖНО ПРИТУЛИТЬСЯ, ПРИСЕСТЬ...

СХлынули волнения последних месяцев и дней, отошли подробности и эпизоды, и полнейшее безразличие к тому, что было, и к тому, что будет, овладело телом, он отдавался на милость судьбы, на большее не рассчитывал...

Расторопный канцелярист выдал ему уведомление о ссылке в северный край, в Котлас. На три года. Причем Киев он должен был покинуть не позднее 6 мая. Рассчитывая на снисходительность (случаются же ошибки!), Юхим Спиридонович обратился в прокуратуру. Но там лишь отсрочили выезд на два дня. Восьмого мая он двинулся в путь.

«...Это был последний день, последний раз вместе. После этого мы уже не виделись», — вспоминала жена.

ПУТЬ в Котлас лежал через Москву. Мрачно выглядела столица. По городу ползли страшные известия: враги умертвили сына писателя Горького. На вокзалах стояли кордоны, с особым рвением сотрудники органов НКВД проверяли всех проезжающих. Арестовывали подозрительных. А Юхим отослал жене шутивное послание: «Тут не нашлось ни одной красавицы»...

«КТО вы?» — вспомнился вопрос следователя. Кто я? Живописец, Литератор. Человек. Разве мало? И перед глазами, на верное, предстали родные Олешки Таврической губернии. И Херсонское реальное училище. И другое — Строгановское художественно-промышленное, которое он закончил в 1906 году. Дипломированный керамист. Но захотелось учиться дальше — в Московском училище живописи, скульптуры, архитектуры, Мастерская Валентина Серова. Потом — докучавшая служба в армии: не нравилась муштра. Но и

«Керамика на Украине», «Т. Шевченко», «Украинская песня в московском лубке»... В первых художественных выставках участвует — в Киеве, Праге. И полностью отдается увлечению символизмом, непонятному (а скорее — недостижимому) для других художников, воспевающих «будни великих строек». В картине «Мой сон» (1921 г.) кто-то усматривал намек на существующую действительность. Михайлов не скрывал: изображенный зеленый змей — это сегодняшнее зло. В других полотнах «доброжелатели» усматривали ярко выраженные националистические мотивы...

В поэзии же Юхим Спиридонович сблизился с будущими классиками украинской литературы — Максимом Рыльским, Владимиром Сосурой, особенно — с Павлом Тычиной.

«Задумал написать радость, — сообщает он ему подруги в письме, датированном 10 июля 1925 года, — но не животную, земную, а радость, если хотите, с большой буквы, вернее, всю большими буквами ее написать — «РАДОСТЬ». Только все же она не будет «не от мира сего».

НО через десять лет все радости, похоже, покинули его. Наступили трудные дни. Привыкший к обществу единомышленников, к живой работе, к вниманию и славе, Юхим Спиридонович (в русском варианте его имя чаще употреблялось как Ефим) потерял все. Это была трагедия. «Из ничего мы станем всем...» Он же из «всего» стал «ни-